

за, дифференциации его структуры, росте доли контрафактного продукта, нелегальной и контрабандной продукции и теневого рынка в целом.

Снижение доходов граждан, по мнению экспертов, может дать дополнительный толчок к росту теневого рынка, по причине роста стоимости табачных изделий, вероятнее всего, будет происходить смещение спроса в сторону бюджетного ценового сегмента, включая нелегальную, контрабандную и контрафактную продукцию.

Проводя анализ изменений цен, ситуации, сложившейся в экономике, в социальной сфере государства, в связи с трудностями исполнения бюджетных обязательств можно предположить, что будет происходить дальнейший рост контрафактной продукции как в целом, так и в табачной продукции в частности.

В этой связи представляется целесообразным совершенствование налоговой системы в сфере оборота подакцизных товаров посредством усиления контроля за оборотом подакцизных товаров со стороны органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; интенсификации взаимодействия налоговых органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность; наращивании объемов международного сотрудничества; в перспективе наделении налоговых органов полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

УДК 347.1

В.В. Манкевич

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА НЕДОПУСТИМОСТИ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЧАСТНЫЕ ДЕЛА В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела нашел реализацию в гражданских кодексах всех государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как частный случай преломления основных конституционных прав в гражданско-правовой сфере. Сегодня происходят кардинальные изменения механизмов взаимодействия государственных органов и бизнеса, направленные на достижение максимального экономического эффекта при минимальном вмешательстве должностных лиц в работу субъектов предпринимательства и минимально необходимом уровне контроля со стороны государства.

С целью гармонизации правового регулирования отношений в сфере предпринимательства Межпарламентская Ассамблея государств –

участников СНГ 27 ноября 2015 г. приняла модельный закон № 43-8 «О предпринимательстве», в ст. 4, 5 которого принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела рекомендуется для реализации в национальных законодательствах государств-участников. Однако названные положения модельного закона до настоящего времени не нашли единообразной реализации. Положителен в данном случае опыт Кыргызской Республики и Казахстана. Так, Кыргызстане невмешательство государственных органов и органов местного самоуправления в деятельность субъектов предпринимательства является одним из основных принципов, обеспечивающих условия осуществления предпринимательской деятельности (ст. 2¹ Закона «О защите прав предпринимателей»).

В ст. 3 Предпринимательского кодекса Казахстана закреплен принцип недопустимости незаконного вмешательства государства в дела субъектов предпринимательства. Однако можно привести и противоположные примеры. Так, федеральный закон России от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и Закон Республики Армения от 28 декабря 2000 г. № ЗР-121 «О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства» не относят рассматриваемый принцип к основным принципам государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства. В свою очередь, например, ст. 5 Закона Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства» рассматриваемый принцип назван не принципом, а гарантией защиты прав и законных интересов субъектов малого и среднего предпринимательства.

Наряду с предпринимательскими отношениями гармонизация национальных законодательств в рамках ЕАЭС в частноправовой сфере имеет целью способствовать беспрепятственному осуществлению взаимной внешнеэкономической деятельности его членов, в связи с чем невмешательство в частные дела при осуществлении внешнеэкономической деятельности регламентировано в качестве принципа государственного регулирования данной сферой отношений в Кыргызской Республике (ст. 4 Закона от 2 июля 1997 г. № 41 «О государственном регулировании внешнеэкономической деятельности в Кыргызской Республике»), Российской Федерации (ст. 4 Закона Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности»), Республике Беларусь (ст. 4 Закона Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 347-З «О государственном регулировании внешнеэкономической деятельности»).

В развитие правового регулирования торговых отношений Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 3 декабря 2009 г.

был принят «Модельный торговый кодекс для государств – участников СНГ» № 33-24. В Республике Беларусь торговые отношения регулируются Законом № 128-З «О государственном регулировании торговли и общественного питания» от 8 января 2014 г., в ст. 4 которого недопустимость неправомерного вмешательства государственных органов в деятельность субъектов торговли, субъектов общественного питания и поставщиков товаров названа одним из основных принципов государственного регулирования данных отношений. Аналогичные положения содержатся и в Законе Республики Казахстан от 12 апреля 2004 г. № 544-ІІ «О регулировании торговой деятельности», в п. 2 ст. 3 которого закрепляется требование невмешательства государственных органов в торговую деятельность за исключением случаев, установленных законодательством Республики Казахстан, как один из основных принципов регулирования торговой деятельности. В то же время абсолютное единство в принципиальных основах регулирования торговых отношений среди участников ЕАЭС не наблюдается. В частности, в Федеральном законе России от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» вообще не содержится норм, регламентирующих основные принципы данной сферы отношений.

Отдельный интерес представляют набирающие актуальность на современном этапе становления ЕАЭС отношения публично-частного партнерства. Правовое регулирование в данной сфере можно назвать знаковым, потому как оно определяет позиции публичной администрации во взаимодействии с частным бизнесом. Тонкая грань между интересами общества, приоритетно охраняемыми государством, и интересами частного бизнеса, имеющего значительный капитал для инвестирования социально-значимых проектов, должна строго соблюдаться для сохранения баланса интересов всех сторон. Представляется, что недопустимость произвольного вмешательства в дела частного инвестора в отношениях публично-частного партнерства приобретает особый коэффицент актуальности.

С целью формирования правовой основы регулирования, координации политики и практической деятельности при подготовке и реализации проектов публично-частного партнерства Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ 28 ноября 2014 г. приняла модельный закон «О публично-частном партнерстве» № 41-9. Показательным здесь видится факт того, что в отличие от иных приведенных выше в качестве примера модельных законов в данном рекомендательном акте требование о недопустимости произвольного вмешательства в частные дела не

включено в перечень принципиальных основ правового регулирования, но и не проигнорировано законодателем полностью. Модельный закон предусматривает требование невмешательства в деятельность частных партнеров, но не в качестве правового принципа, а как одну из гарантий прав и законных интересов частного партнера. Реализация рассматриваемого гражданско-правового принципа в национальных законодательствах государств – членов ЕАЭС не характеризуется единством, даже несмотря на наличие рекомендаций модельного закона. Правовой линии, определенной модельным законом, следуют только нормы законодательства Кыргызстана и Беларуси.

Так, Закон Кыргызской Республики от 22 февраля 2012 г. № 7 «О государственно-частном партнерстве в Кыргызской Республике» в ст. 14 определяет государственные гарантии защиты интересов частного инвестора, в ряду которых и гарантии невмешательства со стороны государственного партнера в экономическую деятельность частного партнера, за исключением случаев, предусмотренных соглашением о ГЧП и законодательством Кыргызской Республики. Практически аналогичная норма-гарантия содержится с п. 2 ст. 36 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве». В отличие от вышеуказанных примеров в соответствующем Законе России рассматриваемый принцип находит косвенную правовую реализацию как обязанность публичного партнера при осуществлении контроля (ст. 14 Федерального закона Российской Федерации от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Среди государств – членов ЕАЭС есть также примеры исключения требований о недопустимости произвольного вмешательства в частные дела из законодательства о публично-частном партнерстве. В частности, Закон Республики Казахстан от 27 декабря 2017 г. № 126-VI «О государственно-частном партнерстве» ни в какой форме не предусматривает запрет вмешательства в дела частного партнера. Отсутствуют данные положения и в Концепции о государственно-частном партнерстве Армении.

В заключение следует отметить, что принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела нашел свою реализацию в гражданских кодексах всех государств – членов ЕАЭС в качестве частного случая преломления конституционных прав в гражданско-правовой сфере. Наиболее значимые сферы частных отношений (предпринимательские, внешнеторговые, инвестиционные и публично-частного партнерства и иные) регулируются на национальном уровне каждого государства специальным законодательством, в котором

гражданско-правовой принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела находит свою особую реализацию. При этом единых подходов в сфере реализации рассматриваемого принципа в национальных законодательствах не прослеживается.

Различия в государствах – членах ЕАЭС начинаются уже с того, что не во всех национальных правовых актах, регулирующих единую по сути сферы наиболее важных частноправовых общественных отношений, рассматриваемый принцип находит правовое закрепление. Иными словами, данный принцип в ряде случаев вообще не реализован в наиболее важных актах гражданского законодательства, несмотря на его закрепление в гражданском кодексе. Имеют место случаи правового закрепления требований невмешательства в частные дела, но не как принципа, а в качестве гарантии прав субъекта или обязанности проверяющего государственного органа, что нивелирует его основополагающее значение в правовом регулировании соответствующих отношений. Следует обратить внимание также на отсутствие единства в правовых дефинициях, определяющих понятие и содержание рассматриваемого принципа, что является, по мнению автора, результатом недостаточности научных разработок исследуемой тематики.

УДК 347.1

И.П. Манкевич

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА
БЕСПРЕПЯТСТВЕННОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ,
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕННЫХ ПРАВ,
ИХ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС**

Взаимоотношения между иными государствами на современном этапе характеризуются развивающимися интеграционными процессами в различных сферах жизни. Одним из наиболее эффективных инструментов интеграции и одновременно показателем интеграционных процессов является право.

В рамках ЕАЭС Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Армения, Кыргызская Республика выбрали одним из основных направлений взаимодействия гармонизацию национальных законодательств и их унификацию в сферах, определенных соглашениями, составляющими договорно-правовую базу Единого экономического пространства.

Сегодня наблюдается формирование унификации законодательства государств – членов ЕАЭС в публично-правовой сфере, и здесь примером является Таможенный кодекс государств – участников Таможенного союза (ЕАЭС). Однако единое экономическое пространство должно иметь и общие частно-правовые основы, имущественный оборот должен основываться на согласованных, единых правилах и принципах. По утверждению М.К. Сулейменова, «эффективное функционирование общего правового пространства невозможно без наличия единого гражданского законодательства. Только с помощью гражданского законодательства можно обеспечить решение задач, поставленных для обеспечения реального функционирования единого экономического пространства».

В реформируемом гражданском законодательстве и теории гражданского права Республики Беларусь для эффективного и единообразного применения его норм особое значение приобретают принципы, один из которых – принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (ст. 2 ГК Республики Беларусь). Именно данный принцип призван обеспечить реализацию иных начал гражданского законодательства.

Необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты возведена в ранг принципов, на которых основывается и гражданское законодательство иных государств – членов ЕАЭС. Так, в ст. 1 ГК Российской Федерации предусматривается, что гражданское законодательство наряду с иными началами основывается и на необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Аналогичное положение содержится и в ГК Республики Казахстан (ст. 2), ГК Республики Армения (ст. 3), ГК Кыргызской Республики (ст. 2), что свидетельствует о единообразном подходе к закреплению принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты в качестве одного из основных начал гражданского законодательства государств – членов ЕАЭС.

Принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты находит конкретизацию не только в нормах ГК государств – членов ЕАЭС, но и дополняющих их законов. Так, принимая во внимание, что рассматриваемый принцип предполагает наделение участников гражданско-правовых отношений широкой правоспособностью, позволяющей им совершать все допускаемые законом гражданско-правовые сделки, особое значение он приобретает для предпринимательской, инвестиционной